

также пели про жениха и про чертог, и теперь это прошлое представлялось живым, прекрасным, радостным, каким, вероятно, никогда и не было. И, быть может, на том свете, в той жизни мы будем вспоминать о далёком прошлом, о нашей земной жизни с таким же чувством. Кто знает! Преосвященный сидел в алтаре, было тут темно. Слезы текли по лицу. Он думал о том, что вот он достиг всего, что было доступно человеку в его положении, он веровал, но всё же не всё было ясно, чего-то ещё не доставало, не хотелось умирать; и всё ещё казалось, что нет у него чего-то самого важного, о чем смутно мечталось когда-то...»

И лишь постепенно, тяжёло пришел человек, облеченный высокой духовной властью, к пониманию двух простых вещей: его земной срок вышел; пора уходить, и душе потребно покаяние...

Вот грянула революция. Огромный мир, ко- ему Пасха служила сердцем, умер, захлебнувшись кровью.

Полтора десятилетия Пасха, изуродованная и поставленная под запрет, превращалась из центра вселенной в полуподпольное празднество немногих людей. Как будто яркая звезда гасла!

И здесь, в России, она почти погасла, малости не хватило...

Трудно было потом, через полстолетия, ставить на ноги то, в чём жизнь едва теплилась. Но было б ещё труднее, кабы наша литература не сохранила драгоценного воспоминания о том, как много это для России — Пасха!

Русские писатели, оказавшиеся в эмиграции, по-разному хранили его.

Так, Владимир Владимирович Набоков передал читателям своего рассказа «Пасхальный дождь» ощущение пронзительной утраты, о которой нельзя забыть, но и говорить вслух не следует — как о святине, опошляемой простою бытовой болтовней.

К семье эмигрантов Платоновых является швейцарка Жозефина, когда-то воспитывавшая детей в Петербурге и проникшаяся величием русской Пасхи, да и русского мира в целом. Она дарит им нелепо расписанные яйца, пытается завести разговор, но всё выходит криво и нелепо:

« — Да, в этот момент в России нет Пасхи... Это бедная Россия. О, я помню, как целовались на улицах. И моя маленькая Элен была в этот день как ангел... О, я по целым ночам плачу, когда думаю о вашей прекрасной родине...»

Платоновым было всегда неприятно от этих разговоров. Как разорившиеся богачи скрывают нищету свою, становятся ещё горделивее, неприступнее, так и они никогда не толковали с посторонними о потерянной родине, и потому Жозефина считала втайне, что они России не любят вовсе. Обычно, когда она приходила к ним, ей казалось, что вот начнёт она говорить со слезами на глазах об этой прекрасной России, и вдруг Платоновы расплачутся и станут тоже вспоминать, рассказывать, и будут они так сидеть втроём всю ночь, вспоминая и плача, и пожимая друг другу руки.

А на самом деле этого не случалось никогда... Платонов вежливо и безучастно кивал бородкой, — а жена его всё норовила расспросить, где подешевле можно достать чаю, мыла... Платонов принялся вновь набивать папиросы; жена его ровно раскладывала их в картонной коробке. Оба они рассчитывали прилечь до того, как пойти к заутрене — в греческую церковь за углом... Хотелось молчать, думать о своём, говорить одними взглядами, особыми,

словно рассеянными улыбками, о сыне, убитом в Крыму, о пасхальных мелочах, о домово- вой церкви на Почтамтской, а тут эта болтливая сентиментальная старуха с тревожными тёмно-серыми глазами, пришла, вздыхает, и так будет сидеть до того времени, пока они сами не выйдут из дому... Жозефина замолкла: жадно мечтала о том, что, быть может, её пригласят тоже пойти в церковь, а после — разгов- ляться. Знала, что накануне Платоновы пекли куличи, и хотя есть она, конечно, не могла, слишком знобило, — но всё равно, — было бы хорошо, тепло, празднично.

Платонов скрипнул зубами, сдерживая зевок, и украдкой взглянул себе на кисть, на циферблат под решёточкой. Жозефина поняла, что её не позовут...»

Был бы цел русский мир с Пасхой в сердце- вине, так отчего ж не предаться милой болтовне с глуповатой швейцаркой? Отчего же не дать ей кулича?

Вот только мир этот мёртв, и оттого черно перед глазами. Душа не пускает чужака к той горсти света, которая ещё даёт силу жить...

Иначе переживал утрату русской Пасхи Иван Сергеевич Шмелев. Если Набоков судорожно оберегал воспоминания о той самой, исчезнувшей при большевиках Пасхе, то Шмелев ничего не берег, напротив, он щедро разбрасывал сокровища из кладовой своей памяти. Он торопился рассказать как можно больше. Он хотел поделиться тем, что знал и видел ещё маленьким мальчиком, и, отдавая, вновь пережить давнее счастье.

В его романе «Лето Господне» главный герой, малыш, жадно вдыхает и святость, и радость каждого православного праздника. Вот Страстная неделя, до Пасхи остались считанные дни: «Я несу от Евангелий страстную свечку, — сообщает о себе главный герой, — смотрю на мерцающий огонёк: он святой. Тихая ночь, но я очень боюсь: погаснет! Донесу — доживу до будущего года. Старая кухарка рада, что я донёс. Она вымывает руки, берёт святой огонек, зажигает свою лампадку, и мы идём выжигать кресты. Выжигаем над дверью кухни, потом на погребнице, в коровнике...»

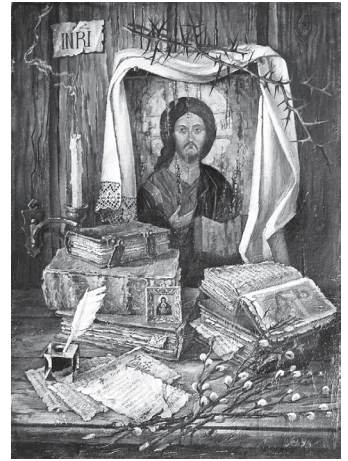
— Он теперь никак при хресте не может. Спаси Христос... — крестясь, говорит она и крестит корову свечкой. — Христос с тобой, матушка, не бойся... лежи себе.

Корова смотрит задумчиво и жуёт.

Ходит и Горкин с нами. Берет у кухарки свечку

и выжигает крестик над изголовьем в своей каморке. Много там крестиков, с прежних ещё годов.

Кажется мне, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде. В чёрном крестике от моей свечки — пришёл Христос. И всё — для Него, что делаем. Двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз. Не- обывкновенные эти дни — страстные, Христовы дни. Мне теперь ничего не страшно: прохожу тёмными сенями — и ничего, потому что везде Христос...

Ночь. Смотрю на образ, и всё во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы, Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро... Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все... и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волх- вов, — все мы встретимся там».

А вот наступает сам праздник Воскресения Го- сподня. Ещё чуть-чуть, ещё капельку, и начнется радостный пасхальный звон, полетят в небо ог- ненные потехи, любимые взрослыми и детворой.

«Большие» переговариваются меж собой, го- товясь:

« — Митя! Как в большой ударишь разов пя- ток, сейчас на красный-согласный переходи, с перезвону на трезвон, без задержки... верти и верти во все! Опосля сам залезу. По-нашему, по- ростовски! Ну, дай, Господи...»

У него дрожит голос. Мы стоим с зажигальни- ком у нитки. С паперти подают — идёт! Уже слышно — ...Ангели по-ют на небеси-и...!

— В-вали-и!.. — вскрикивает Горкин, — и че- тыре ракеты враз с шипеньем рванулись в небо и рассыпались щелканьем на семицветные яблоч- ки. Пыхнули «смолянки», и огненный змей за- прыгал во всех концах, роняя пылающие хлопья.

— Кумпол-то, кумпол-то..! — дергает меня Горкин. Огненный змей взметнулся, разорвался на много змей, взлетел по куполу до креста... и там растаял. В чёрном небе алым Крестом воз- двиглось! Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком, матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зелёные и голубые звезды. Сияет — «ХВ». На пасочной палатке тоже пунцовый крестик. Вспыхивают бенгальские огни, бросают на сте- ны тени — кресты, хоругви, шапку архиерея, его трикирий. И все накрыло великим гулом, чудес- ным звоном из серебра и меди.

Хрис-тос воскре-се из ме-ртвых...

— Ну, Христос воскрес... — нагибается ко мне радостный, милый Горкин.

Трижды целует и ведёт к нашим в церковь. Свя- щенно пахнет горячим воском и можжевельником. ...сме-ртию смерть... по-пра-ав..!

Звон в рассвете, немолкаемый. В солнце и звоне утро. Пасха, красная...»

Сколько тут радости! Сколько тут света!»

А ведь писано таким же обездоленным, остро переживающим смерть прежнего мира челове- ком, что и Набоков...

От этой-то радости, видно, и зажглась свечеч- ка в темную пору, и прошла непогашенной через полвека, а уж потом опять начала от неё разго- раться большая лампада русской Пасхи. Ну, дай Бог, теперь свет этот уже не померкнет.

Володихин Дмитрий